

3

Из экономической истории

Экономические кризисы в России
в XX веке

А.В. Полетаев

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В РОССИИ В XX ВЕКЕ (статистическое исследование)

Полетаев Андрей Владимирович. Родился в 1952 г. Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук, профессор. Заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН.

*Что мы знаем о лисе?
Ничего (и то не все).
А.А. Милн¹*

Решение написать данную статью определялось, по меньшей мере, тремя обстоятельствами. Во-первых, приближение календарного конца столетия традиционно стимулирует появление работ, авторы которых пытаются подвести итоги уходящего века и осмыслить его историю в целом. И хотя календарные столетия в рамках существующей системы летоисчисления являются не более чем условностью, противостоять этой традиции достаточно сложно (да и стоит ли?).

Во-вторых, к написанию материала, обобщающего историю экономических кризисов, с неизбежностью подталкивает текущая экономическая ситуация. Хорошо известно, что кризис 1929-1933 гг. вызвал в странах Запада всплеск интереса к проблеме кризисов в целом - как в экономической теории, так и в экономической истории². Точно так же и нынешний экономический кризис в России, продолжающийся с конца 1980-х годов, по мере углубления экономического спада и ослабления накала политических

¹ Перевод Б. Заходера.

² См.: Шонно П. Экономическая история: *проблемы и перспективы* // THESIS. 1993. Вып. 1.

С. 138-141.

©А.В.Полетаев, 1998

страстей с неизбежностью подводит к пониманию необходимости его более общего (и политически нейтрального) анализа в контексте долгосрочного экономического развития России.

Наконец, в-третьих, речь может идти о возрождении некоторых традиций отечественного историко-экономического анализа, что является одной из целей издания альманаха "Истоки". В относительно коротком (увы!) ряду достижений российской экономической мысли одно из первых мест, по общему признанию, занимает изучение циклов и кризисов - достаточно вспомнить работы М. Туган-Барановского и Н. Кондратьева, полностью соответствовавшие мировым научным стандартам своего времени. Традиция изучения экономических циклов и кризисов сохранялась в отечественной науке и в дальнейшем, и историко-экономические работы Е. Варги, Л. Мендельсона, И. Трахтенберга, посвященные кризисам XIX - начала XX вв., до сих пор сохраняют если не теоретическую, то, по крайней мере, информационную ценность³. Не претендуя, естественно, на место в том же перечне имен, автор данной статьи все же хотел бы в меру своих сил поддержать и развить эту традицию.

В отечественной литературе изучение истории экономических кризисов в России до сих пор ограничивалось в основном дореволюционным периодом. В частности, история кризисов в российской экономике XIX — начала XX в. рассматривается как в упомянутых работах Л. Мендельсона и И. Трахтенберга в рамках проводившегося ими многостранового анализа, так и в некоторых специальных исследованиях⁴. Определенное место анализ кризисов занимает в изучении тенденций развития отдельных сфер экономики царской России - сельского хозяйства, промышленности, государственных и частных финансов, внешней торговли и т.д.⁵ Наконец, некоторые аспекты

³ См.: Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. 3-е соверш. перераб. изд. СПб., 1914; Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989; Мировые экономические кризисы, 1848-1935 / Под ред. Е.С. Варги: В 3 т. М.: Гассоцэгиз, 1937-1939; Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов: В 3 т. М.: Соцэгиз, 1959-1964; Трахтенберг И.А. Денежные кризисы. М.: Наука, 1963.

⁴ См., например: Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура (введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека). М.: Экономическая жизнь, 1925; Струмилин С.Г. Промышленные кризисы в России (1873-1907 гг.) // Проблемы экономики. 1939. № 5; 1940. № 2; Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М.: Госполитиздат, 1955.

⁵ Список соответствующей литературы весьма велик, поэтому мы ограничимся упоминанием лишь некоторых наиболее общих исследований — см., в частности: Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX и XX веках, 1800-1917. М.: Госполитиздат, 1950; Ковальченко И.Д., Милос Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII - начала XX века: опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974; Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. -1908 г. М.: Наука,

кризисных процессов рассматривались в работах по истории экономического развития СССР в межвоенный период⁶.

Что касается западной литературы, то, несмотря на обилие материалов, в которых анализировалось экономическое развитие СССР, проблема кризисов фактически никогда не фигурировала в них в качестве самостоятельного объекта исследования. Во-первых, подавляющая часть работ западных экономистов посвящена послевоенному периоду, во-вторых, акцент в этих исследованиях традиционно делается на проблемах экономического роста⁷.

Учитывая сравнительно слабую разработанность выбранной нами темы, в данной статье мы ставим перед собой три основные цели. Прежде всего, мы попытаемся сформировать статистическую базу для изучения кризисных процессов и проанализировать методологические проблемы, возникающие при работе с показателями экономического развития России в XX в. Второй целью является установление примерной датировки кризисов, включая определение дат предкризисных максимумов, кризисных минимумов и моментов возвращения экономики на предкризисный уровень. Наконец, мы хотим сопоставить глубину и интенсивность различных кризисов нынешнего столетия, критически оценив спектр имеющихся статистических оценок. Эти три направления анализа являются необходимым предварительным этапом разработки выбранной нами темы и могут послужить основой для дальнейших исследований в данной области.

С методологической точки зрения изучение кризисных процессов в исторической перспективе является одним из направлений изучения экономи-

1984; Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVII-XIX вв.). Л.: Наука, 1981;

Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М.: Наука, 1990.

⁶ См., например: Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М.: Наука, 1989; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977; Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975; Хромов П.А. Некоторые закономерности развития промышленности СССР. М.: Наука, 1963; Он же. Темпы развития промышленности и сельского хозяйства (экономико-статистическое исследование). М.: Статистика, 1974 и др.

⁷ Укажем здесь лишь наиболее известные работы последнего десятилетия, которые содержат также обзоры и библиографию основных западных публикаций по проблемам экономического развития СССР: Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928-1985 // The Journal of Economic Literature. December 1987. V. 25. N 4. P. 1767-1833; Gomulka S., Schaffer M. A New Method of Long-Run Growth Accounting with Application to the Soviet Economy 1928-87 and the US Economy 1949-78. Discussion Paper. N 14. L.: Centre for Economic Performance; London School of Economics and Political Science. 1991; Easterly W., Fischer S. The Soviet Economic Decline // The World Bank Economic Review. 1995. V. 9. N 3. P. 341-371.

ческой динамики и тесно связано с так называемой серийной историей⁸. Это направление подразумевает использование максимально однородных и однотипных статистических рядов, позволяющих воссоздавать сопоставимую картину экономических изменений, происходивших в разные исторические периоды. Поэтому в нашей работе используется относительно небольшой набор агрегатных статистических индикаторов, дающих наиболее общее представление о развитии экономики в целом и ее наиболее крупных секторов. Подчеркнем, что в данном исследовании речь не будет идти о традиционном анализе кризисов как элементе так называемого промышленного (в западной терминологии "делового" -business) цикла, подразумевающим определенную периодичность наступления кризисов и существование эндогенного механизма их формирования. Специфика экономического развития России в XX в. заключается, в частности, в том, что кризисные процессы в основном определялись факторами, относимыми традиционной экономической теорией к разряду эндогенных - в первую очередь имеется в виду государственная политика, причем не только экономическая.

Часть I. Реальный сектор

В первой части работы мы рассмотрим изменения показателей совокупного национального продукта и дохода, инвестиций в основной капитал, промышленного и сельскохозяйственного производства, работы грузового и пассажирского транспорта. Показатели национального продукта и инвестиций являются наиболее общими индикаторами экономической динамики, но, к сожалению, и наименее точными, в силу сложности процедур их расчета. Поэтому анализ их изменений необходимо дополнить рассмотрением ключевых секторов экономики, позволяющим воссоздать более точную картину развития экономики в целом.

В связи с тем что продукция строительства в значительной мере учитывается в валовых инвестициях, фактически выделенные нами показатели охватывают четыре сектора экономики — сельское хозяйство, промышленность, транспорт и строительство. В 1937 г. на эти четыре сектора приходилось более 75% чистого национального продукта или 73% валового национального продукта⁹, а в 1994 г. - 55 % валового внутреннего продукта¹⁰.

⁸ См.: Шоноу П. Указ. соч.

⁹ Moorsteen R., Powell R.P. The Soviet Capital Stock, 1928-1962. Homewood: R.D. Irwin, 1966. P. 622.

¹⁰ Российский статистический ежегодник. Стат. сборник. М., 1996. С. 294.

Хотя значимость этих секторов и менялась на протяжении XX в., тем не менее каждый из них занимал и продолжает занимать существенное место в формировании динамики реальной сферы экономики. Роль бурно развивавшейся промышленности достаточно очевидна, но не меньшее, если не большее, значение для реального сектора имело сельское хозяйство. Даже формально вплоть до середины 1930-х гг. экономика России оставалась преимущественно аграрной, и удельный вес сельского хозяйства превышал соответствующий показатель по промышленности (кстати, еще в 1959 г. 52% населения СССР проживало в сельской местности)¹¹.

Что касается транспорта, то роль этого сектора определяется не столько его удельным весом в экономике (будь то численность занятых или добавленная стоимость), сколько общей значимостью транспортных проблем в жизни России. В силу колоссальных размеров территории показатели работы транспорта оказываются одним из ключевых индикаторов общеэкономической активности. Этот факт, в частности, был хорошо известен ЦРУ США, которое активно использовало данные об объемах транспортных перевозок для оценки "реальных" темпов экономического роста СССР в послевоенный период.

За рамками нашего исследования остаются сферы, игравшие подчиненную или второстепенную роль в социалистической экономике, прежде всего внутренняя торговля и услуги. Учитывая существование в российской экономике на протяжении большей части XX в. "карточных" или иных нерыночных (централизованно регулируемых) систем распределение, специальный анализ кризисных процессов в этих секторах представляется нам нецелесообразным (впрочем, мы кратко обсудим развитие торговли при анализе динамики цен во второй части нашей работы).

¹¹ По оценкам Р. Голдсмита, в 1900 г. отношение объемов валовой продукции сельского хозяйства промышленности равнялось 2,5:1, а в 1913 г. - 2:1 (Goldsmith R.W. *The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860 - 1913 // Economic Development and Cultural Change*. 1961. April. V. 9. N 3. P. 470—471. Fn. 63). По данным Госплана, в 1913 г. это соотношение равнялось 1,4:1; а в 1928 г. — 1,2:1 (в ценах 1913 г.) (Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М.: Плановое хозяйство, 1929. Т. 1: Сводный обзор. С. 15; эти оценки воспроизводятся также в: Хромов П.А. Некоторые закономерности развития промышленности СССР. С. 40; Он же. Темпы развития промышленности и сельского хозяйства (экономико-статистическое исследование). С. 89; Maddison A. *Economic Growth in Japan and the USSR*. L.: Allen & Unwin, 1969. P. 151-152. Fn. 1). По расчетам Р. Мурстина и Р. Пауэлла, соотношение чистого дохода, создаваемого в сельском хозяйстве и промышленности, достигло примерно единицы (0,96:1) к 1937 г. (Moorsteen R., Powell R.P. *Op. cit.* P. 622). По данным Госкомстата РФ, в 1996 г. соотношение валовой продукции этих двух секторов составило 0,2:1 (Социально-экономическое положение России. 1996. № 12. С. 7).

1. Статистические источники

Строго говоря, в России в XX в. имеется лишь один источник сведений об экономике, а именно - государственная статистика. Никаких альтернативных источников первичной информации (частных или общественных, типа профсоюзов или потребительских союзов) фактически не существует. Все варианты статистических показателей, будь то официальные публикации государственных статистических ведомств или же работы отечественных или западных экономистов, базируются на одной и той же первичной статистической информации, собиравшейся государственными органами. Поэтому не должно вызывать удивления примерное совпадение оценок масштабов кризисных процессов, демонстрируемое в официальных справочниках и авторских исследованиях.

Как известно, государственная статистика была достаточно хорошо развита в России уже перед первой мировой войной - речь идет, в первую очередь, о публикациях Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД), ставшего самостоятельной организацией в 1863 г. Но до революции государственная статистика, как правило, была лишь в малой степени ориентирована на анализ экономической динамики, поэтому для периода 1900-1917 гг. мы в основном использовали вторичные источники, в которых официальная статистика обработана и представлена в виде динамических рядов¹². Для этого периода мы также использовали ряд авторских расчетов динамики промышленного и сельскохозяйственного производства, национального продукта и инвестиций¹³.

Для периода 1913-1950 гг. существует огромное количество советских публикаций, в той или иной мере дающих представление о динамике рассматриваемых нами экономических показателей, относящихся к реальному сектору. Эти официальные и полуофициальные публикации можно хронологически и содержательно разделить на три группы.

¹² Первушин С.А. Указ.соч.; Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX и XX веках, 1800-1917; Mitchell B.R. *European Historical Statistics, 1750-1970*. 2nd ed. L.: Macmillan, 1987; Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник / Под ред. А.П. Корелина. СПб.: Блиц, 1995 и др.

¹³ Герчук Я.П. Индекс общего объема промышленной продукции в СССР // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1. Вып. 1; Он же. Индекс физического объема промышленной продукции Конъюнктурного института // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1926. № 2; Варзар В.Е. Индекс физического объема потребления в СССР [изложение] [1929] // Маслов П.П. Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 448-462; Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. - 30-е годы XX в.) [1930]. М.: Эпифания, 1994; Goldsmith R.W. *Op. cit.*; Gregory P.R. *Russian National Income, 1885-1913*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Первая группа - издания 1920-х гг. Речь идет о статистических сборниках ЦСУ¹⁴ и периодических изданиях Конъюнктурного института, которым руководил Н.Д. Кондратьев¹⁵. К этой же группе примыкают упоминавшиеся выше работы В. Варзара и Л. Кафенгауза (хотя с этими работами читатели смогли познакомиться лишь через много лет после их написания), в которых анализировалась динамика некоторых экономических показателей за первое десятилетие советской власти.

Все эти источники сохраняют определенную ценность, так как их подготовку осуществляли в основном "старые спецы" в области статистики, получившие образование до революции и еще пытавшиеся противостоять идеологическому давлению большевистского правительства. Однако ценность этих изданий имеет ограниченный характер, во-первых, из-за сравнительно небольшого периода охвата (не более 10-15 лет); во-вторых, из-за отсутствия единой методологии расчетов и устоявшейся системы показателей.

Во второй половине 1920-х гг. в качестве источника статистической информации начинает выступать Госплан (первоначально - Государственная плановая комиссия по подготовке контрольных цифр развития народного хозяйства)¹⁶. После того как в конце 1920-х гг. Конъюнктурный институт был переведен в подчинение ЦСУ и фактически прекратил свое существование, а в январе 1930 г. и само ЦСУ было превращено в отдел Госплана (Центральное управление народнохозяйственного учета - ЦУНХУ), статистическая информация оказалась полностью подчинена идеологии. Официальные публикации 1930-х гг.¹⁷ практически непригодны для использования. Тем не менее они представляют определенный истори-

¹⁴ См. сборники "Народное хозяйство России" и "Народное хозяйство СССР" (Берлин; М, 1918-1924); "Статистический сборник за 1913-1917 гг." (М., 1921-1922); "Россия в мировой войне 1914-1918 гг." (М., 1925); "Статистический справочник СССР" за 1927 и 1928 гг. (М., 1927; 1929); "Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917-1927 гг." (М., 1928), а также "Труды ЦСУ" (например: Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918-1923 гг. // Труды ЦСУ. 1924. Т. 18) и др.

¹⁵ См. "Вопросы конъюнктуры" и "Экономический бюллетень Конъюнктурного института" (название последнего издания несколько раз незначительно изменялось на протяжении 1920-х годов и в каталогах российских библиотек его следует искать под названием "Научно-исследовательский Конъюнктурный институт. Экономический бюллетень").

¹⁶ "Контрольные цифры народного хозяйства на [...] год" (М., 1925-1930); статьи в журнале "Плановое хозяйство"; "Пятилетний план народнохозяйственного строительства" и др.

¹⁷ Народное хозяйство СССР. Стат. справочник. М., 1932; СССР в цифрах. М., 1934; Социалистическое строительство [в] СССР. М., 1934; То же. М., 1935; То же. М., 1936; Социалистическое строительство [в] СССР, 1933-1938. М., 1939; СССР - страна социализма. М., 1936; СССР и капиталистические страны, 1913-1937. М., 1939 и др.

ческий и методологический интерес, поскольку именно в эти годы была сформирована система официальных статистических показателей, в основе своей используемая вплоть до сегодняшнего дня.

С конца 1920-х гг. для анализа динамики агрегатных показателей вместо индексов начинают использоваться стоимостные показатели в постоянных ценах 1926/27 г. Вводятся показатели общего объема промышленной продукции (до этого рассчитывался только объем продукции крупной или фабрично-заводской промышленности). Тогда же появляются данные о размерах производства по группам А и Б, т.е. средствам производства и предметам потребления. Применительно к сельскому хозяйству помимо общего показателя валовой продукции этого сектора вводятся показатели объема продукции земледелия и животноводства. Наконец, в этот период формируется советская система исчисления "национального дохода" (чистого материального продукта), определяемая как добавленная стоимость так называемых производственных отраслей - промышленности, строительства, сельского хозяйства, грузового транспорта, производственной связи, торговли и заготовок.

На протяжении 1940-х-первой половины 1950-х гг. публикация статистических данных по существу прекратилась, и хотя в 1948 г. ЦСУ было воссоздано в качестве самостоятельной организации, по-настоящему положение со статистикой начало меняться лишь после XX съезда КПСС. В конце 1950-х-начале 1960-х гг. была осуществлена публикация целой серии статистических сборников, позволивших воссоздать если не достоверную, то хотя бы методологически однородную и очищенную от прямых фальсификаций картину развития экономики СССР в 1917-1950 гг.¹⁸

Существенному пересмотру подверглись прежде всего данные о продукции растениеводства. Правда, вначале были опубликованы только средние цифры за несколько лет и ничего не было сказано о пересмотре предыдущих оценок. Причины пересмотра данных об урожаях 1930-х годов были сформулированы только в 1967 г.: "До 1954 г. в публикациях за 1933-1953 гг. приводились данные о размерах урожая на корню (биологический урожай). Во всех публикуемых таблицах эти данные пересчитаны и показываются в размерах фактического сбора урожая"¹⁹. Иными словами, начиная с 1933 г. данные в таблицах по урожайности первоначально были завышены на 25-30% (причем эти данные непосредственно сопоставлялись с условно

¹⁸ Народное хозяйство СССР в 1958 году. Стат. ежегодник. М., 1959; Промышленность СССР. М., 1957; То же. М., 1964; Сельское хозяйство СССР. М., 1960; Капитальное строительство в СССР. М., 1961; Транспорт и связь СССР. М., 1957; То же. М., 1967 и др.

¹⁹ Страна Советов за 50 лет. Сборник стат. материалов. М., 1967. С. 130-131 (сноска 1).

правильными данными за предшествующие годы). Наконец, лишь в 1987 г. были впервые опубликованы годовые ряды урожая отдельных культур и производства основных продуктов животноводства.

Результатом приведения данных об урожайности за 1933-1953 гг. к виду, сопоставимому с данными за 1913-1932 гг., стал более общий пересмотр данных о динамике аграрного сектора в 1930-е гг. Прежде всего, уменьшились темпы роста продукции растениеводства и даже выявился небольшой спад в 1933 г. в динамике соответствующего официального показателя. В результате изменилась динамика общей продукции сельского хозяйства, и поскольку данные о развитии животноводства изначально демонстрировали спад, выявился и спад в динамике общего объема сельскохозяйственной продукции.

Но при этом не были пересмотрены показатели динамики промышленного производства, прежде всего отраслей группы Б (легкой и пищевой промышленности), тесно связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья (см. соответствующие таблицы в Приложении). Точно так же ЦСУ "забыло" пересмотреть показатели чистого материального продукта - в послевоенных публикациях они в точности соответствуют довоенным изданиям (на этот факт обратил внимание еще А.Вайнштейн в 1969 г.).

Некоторые уточнения и дополнения информации об экономическом развитии страны в 1913 - 1950 гг., содержащейся в изданиях начала 1960-х годов, можно найти в последующих тематических сборниках по отдельным сферам экономики, а также в юбилейных статистических изданиях ЦСУ²⁰. Упомянем также компендиумы официальной советской статистики, собранные западными авторами, прежде всего Р. Кларком²¹, а также компендиум советской транспортной статистики²² (впрочем, этот источник ненадежен, так как во многих случаях автор использовал публикации 1930-х годов). Официальные данные о динамике чистого национального продукта были собраны и проанализированы А.Л. Вайнштейном в работе 1969 г.²³

²⁰ Эти сборники приурочивались к годовщинам Октябрьской революции - "Страна Советов за 50 лет"; "Народное хозяйство СССР за 60 лет" (Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977); "Народное хозяйство СССР за 70 лет" (Юбилейный стат. ежегодник. М., 1987); к годовщинам образования СССР - "Народное хозяйство СССР, 1922-1972" (Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972); "Народное хозяйство СССР, 1922-1982" (Юбилейный стат. ежегодник. М., 1982) и, наконец, "СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции" (К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. М., 1970).

²¹ Clarke R.A. Soviet Economic Facts, 1917-1970. N. Y.: John Wiley, 1972; Clarke R.A., Matko D.J.I. Soviet Economic Facts, 1917-1981. L.: Macmillan, 1983; Mitchell B.R. Op. cit.

²² Novak G. Basic Series on Soviet Transportation // Williams E. W. et al. Freight Transportation in the Soviet Union. Princeton: Princeton University Press, 1962. P.169-208.

²³ Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления.

Что касается западных публикаций, содержащих систематическую статистическую информацию о периоде 1913-1950 гг., то их число сравнительно невелико. Например, нам известна лишь одна работа, в которой рассчитан сплошной статистический ряд для периода 1913-1928 гг., причем речь идет лишь об одном показателе - индексе промышленного производства Дж. Наттера. Для периода 1928-1950 гг. количество статистических показателей, рассчитанных западными экономистами, несколько возрастает. Показатели динамики промышленного производства, наряду с упомянутой работой Наттера, рассчитывались Н. Капланом и Р. Пауэллом²⁴. Показатели динамики сельского хозяйства рассчитывались А. Кэйаном, Д. Джонсоном и С. Уиткрофтом²⁵. Показатели динамики инвестиций и национального продукта оценивались в работах А. Бергсона, Р. Мурстина и Р. Пауэлла и М. Харрисона²⁶. Вот, пожалуй, и все — в остальных работах, посвященных развитию советской экономики до 1950 г., используются расчеты указанных авторов, в лучшем случае дополняемые отдельными точечными оценками²⁷.

Для периода 1950-1989 гг. наряду с официальными советскими данными, публиковавшимися в ежегодниках "Народное хозяйство", а также в упоминавшихся выше юбилейных и тематических сборниках, существуют оценки ЦРУ, которые активно использовались в западной литературе. К

динамика. М.: Наука, 1969; А. Анчишкин и Ю.Яременко опубликовали ряд чистого национального продукта "в ценах 1955 г.", но на самом деле они использовали все те же официальные показатели ЦСУ, рассчитывавшиеся в ценах 1926/27 г., чисто формально переведя их в базу 1955 г. Единственная новация состояла в отказе от использования данных ЦСУ за некоторые годы, оценки за которые, видимо, представлялись авторам сомнительными. Образовавшиеся "дырки" (1918-1920, 1922-1925, 1936, 1938-1939 гг.) были заполнены ими путем механической интерполяции (Анчишкин А.И., Яременко Ю.В. Темпы и пропорции экономического развития. М.: Экономика, 1967. С. 25).

²⁴ Nutter G.W. Growth of Industrial Production in the Soviet Union. Princeton: Princeton University Press, 1962; Powell R.P. Industrial Production // Economic Trends in the Soviet Union / A.Bergson, S.Kuznets (eds.). Cambridge: Harvard University Press, 1963. P. 150-202. Можно упомянуть также более раннюю работу Д. Ходжмена (Hodgman D.R. Soviet Industrial Production, 1928-1951. Cambridge: Harvard University Press, 1954), но его оценки теперь считаются устаревшими.

²⁵ Johnson D.G. Agricultural Production // Economic Trends in the Soviet Union. P. 203-234; Wheatcroft S.G. Reevaluation of Soviet Agricultural Production in the 1920s and 1930s // The Soviet Rural Economy / R.C. Stuart (ed.). Totowa*Rowman & Allanheld, 1983. P. 32-62; The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945 / Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.C. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. Ch. 6.

²⁶ Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge: Harvard University Press, 1961; Bergson A. National Income // Economic Trends in the Soviet Union. P. 1-37; Moorsteen R., Powell R.P. Op. cit.; The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945. Ch. 12.

²⁷ См., например, работы Н.Ясны (Jasny N. Essays on the Soviet Economy. N. Y.: Columbia University Press, 1962 и др.), статистические оценки которого вызывают много нареканий.

публикациям ЦРУ близко примыкают показатели, рассчитывавшиеся в рамках модели "SovMod" Уортонской школы Пенсильванского университета. В последние годы существования СССР некоторые из этих данных начали регулярно публиковаться в журнале "PlanEcon"²⁸.

Еще одна группа работ связана с международными сопоставлениями динамики и уровня развития экономики СССР. В официальных советских изданиях такие сопоставления регулярно публиковались начиная с 1930-х годов. Альтернативные расчеты представлены в широко известных работах К. Кларка, Б. Болотина и А. Мэддисона²⁹. С 1993 г. Россия официально участвует в Программе международных сопоставлений ООН и соответствующие оценки регулярно публикуются в изданиях Госкомстата и международных экономических организаций.

Для периода 1989-1996 гг. по существу имеется лишь один источник - официальные публикации Госкомстата РФ³⁰. Западные специалисты фактически отказались от попыток рассчитывать альтернативные показатели развития российской экономики, но зато начали более активно напрямую сотрудничать с Госкомстатом. В частности, западные эксперты (сотрудники статистических отделов ОЭСР, Всемирного банка, Международного валютного фонда и других международных и национальных статистических организаций) принимали активное участие в разработке новых показателей, фактически не рассчитывавшихся в СССР (если не считать 1920-е гг.), - системы счетов национального дохода и продукта, индексов потребительских и оптовых цен, показателей денежной массы (публикуемых Центральным банком) и некоторых других³¹.

²⁸ См.: *Aggregate Economic Developments in the Fifteen Former Soviet Republics, 1980-91* // *PlanEcon Report*. March 1992. V. VIII. N 11/12/13. Библиографию публикаций ЦРУ по проблемам советской экономики см.: Gomulka S., Schaffer M. Op. cit.

²⁹ Clark C *Conditions of Economic Progress*. 2nd ed. L.: Macmillan, 1951; Болотин Б.М. *Советский Союз в мировой экономике // Мировая экономика и международные отношения*. 1987. № 11. С. 145-153; Maddison A. *The World Economy in the 20th Century*. Paris: OECD, 1989.

³⁰ Народное хозяйство Российской Федерации, 1991. Стат. ежегодник. М., 1991; Народное хозяйство Российской Федерации, 1992. Стат. ежегодник. М., 1992; Российская Федерация в 1992 г. Стат. ежегодник. М., 1993; Российский статистический ежегодник. Стат. сборник. М., 1994; То же. М., 1995; То же. М., 1996; То же. М., 1997; Краткосрочные экономические показатели, Российская Федерация. М., 1994-1998 (ежемесячное издание); Социально-экономическое положение России. М., 1992-1998 (ежемесячное издание) и др.

³¹ См., например: IMF, WB, OECD and EBRR. *A Study of the Soviet Economy*. 3 vols. Paris, 1991. February; Краткосрочные экономические показатели СНГ. М.: Статистический комитет СНГ и ОЭСР, 1993; Российская Федерация, 1995 (экономические обзоры ОЭСР). Париж; М., 1995; Всемирный банк и Госкомстат РФ. *Российская Федерация: Доклад о национальных счетах*. Вашингтон; М., 1995.

Однако значительная часть современной официальной статистики, равно как и методика ее составления, унаследована Госкомстатом РФ от ЦСУ СССР, а во многих случаях показатели, методика их расчета и форма представления восходят непосредственно к 1930-м гг., со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, не ушли полностью в прошлое и характерные для 1930-х гг. методы прямой фальсификации статистических показателей. Вопиющий случай такого рода произошел в начале 1997 г., и данный факт безусловно заслуживает обнародования.

Предыстория этого случая связана с более общей проблемой современной российской статистики, возникшей в 1990-е гг., а именно, с учетом деятельности так называемого теневого сектора. Если при советской власти главной бедой статистики были "приписки", то с возникновением рыночных отношений наибольшую остроту приобрели утаивание доходов и обусловленный этим недоучет различных видов экономической деятельности. В результате, если в советскую эпоху показатели первичной официальной статистической отчетности, как правило, были завышенными, то в 1990-е годы они безусловно являются заниженными. Этот факт, естественно, не остался без внимания со стороны как российских, так и западных специалистов. В результате совместных разработок была создана система различных корректировок первичной отчетности, позволяющая хотя бы примерно оценивать масштабы теневой экономики.

Эта система основана на целом ряде дополняющих друг друга методов - от анонимных опросов предпринимателей до межотраслевых балансов, позволяющих учитывать практически все виды теневой деятельности, за исключением чисто нелегальных (наркотики, проституция и т.д.). Оценки теневой экономики и соответствующая корректировка первичной отчетности сильно варьируются по отдельным сферам. Так, соответствующие поправки Госкомстата составляют около 40% розничного товарооборота, до 60% объема услуг, оказываемых населением, существенные поправки вводятся для жилищного строительства, внешней торговли (на так называемую челночную торговлю). В целом в 1995-1996 гг. рассчитываемые Госкомстатом поправки на теневую экономику составляли около 20% ВВП³².

Начиная с января 1997 г. Госкомстат ввел (или существенно увеличил) поправку на теневую деятельность в промышленности. В соответствии с традициями ЦСУ этот факт нашел отражение лишь в единственной

³² Пономаренко А. Подходы к определению параметров "теневой экономики" // Вопросы статистики. 1997. № 1. С. 23-28.

сноске в одном из малодоступных изданий³³. К сожалению, мы не знаем, в какой мере теневая деятельность учитывалась в промышленном секторе в предшествующие годы, и нельзя исключить того, что прошлые поправки были недостаточными и действительно нуждались в совершенствовании. Но фокус заключается в том, что, начав с 1997 г. увеличивать поправку. Госкомстат стал напрямую сравнивать эти новые показатели с пересмотренными прошлогодними данными (не объявляя об этом).

В результате введения новой поправки показатель объема промышленного производства увеличился примерно на 8-9 %, а ВВП - соответственно на 5-6% (т. е. доля теневой экономики стала составлять уже не 20%, а 25% ВВП). Благодаря этому при сопоставлении с данными 1996 г. показатели промышленного производства в сопоставимых ценах и реального ВВП за 1997 г. демонстрируют небольшое увеличение. Если же использовать старую методику, то оказывается, что в 1997 г. объем промышленного производства и ВВП был на 1-2% меньше, чем за год до этого³⁴.

Поскольку Госкомстат тщательно скрывает этот факт, данная история встает в один ряд с описанными выше статистическими фальсификациям к 1930-х годов, т.е. продолжает традиции даже не ЦСУ СССР, а ЦУНХУ Госплана. Ясно, что и в том, и в другом случае статистические органы действовали не сами по себе, а под давлением правительства, желавшего во что бы то ни стало продемонстрировать успехи и достижения проводимой им политики - будь то "социалистическая коллективизация" или "рыночные реформы".

2. Территориальные изменения

Очевидно, что для сопоставимости оценок глубины экономических кризисов данные должны относиться к одной и той же территории (по крайней мере, в пределах каждого из рассматриваемых периодов). И

³³ Речь идет о ежемесячном издании "Краткосрочные экономические показатели, Российская Федерация", распространяемом в настоящее время только на дискетах. До начала 1997 г. сноски, относящаяся к показателю общего объема промышленной продукции, гласила: "С учетом оценки объемов производства малых и совместных предприятий, промышленных подразделений при непромышленных организациях". В февральском выпуске 1997 г., где приведены данные за январь-к этой сноске добавлены слова: "а также с учетом оценки скрытого производства".

³⁴ Так, по данным Госкомстата, в январе 1997 г. реальный ВВП был на 0,1 % выше, чем в январе 1996 г., а по старой методике он был *ниже* на 6% (Russian Economic Trends Monthly Update. 17.03.1997. P. 7). Аналогично, по данным Госкомстата, объем промышленного производства в январе-феврале 1997 г. был на 0,9% выше, чем за этот же период прошлого года, хотя при использовании сопоставимой методики получается, что он был на 6,7% *ниже* (Баранов Э., Бессонов В. Растет или сокращается промышленное производство? // Эксперт. 1997. № 11. С 12).

поскольку на протяжении XX в. территория Российского государства менялась достаточно существенно (прежде всего формально, т.е. с точки зрения официальных границ, но в еще большей степени - неформально, если иметь в виду размеры территории, реально контролируемой правительством), это обстоятельство необходимо учитывать при использовании официальных показателей. При этом нас интересуют не территориальные изменения *per se* (данная проблема относится скорее к политической истории), а влияние этих изменений на агрегатные показатели экономической активности.

Строго говоря, речь в данном случае идет не собственно о величине территории, а о величине экономического потенциала или ресурсов, которыми располагала страна в тот или иной период. Поэтому в соответствии с общемировой практикой приведение данных к "территориально сопоставимому виду" обычно осуществляется не по площади территории, а по численности населения, проживавшего на соответствующих территориях в некоем базисном году. Подобного рода корректировки, очевидно, являются достаточно условными. Во-первых, они основаны на предположении, что все экономические ресурсы распределяются по территории страны пропорционально численности населения и что производительность труда одинакова во всех регионах страны (обе гипотезы явно нереалистичны). Во-вторых, сами подсчеты численности населения имеют в большинстве случаев весьма приближенный характер.

Первое территориальное смещение статистических показателей возникает уже в период 1904-1906 гг. На протяжении 1904-1905 гг. отдельные части российской территории находились под японской оккупацией, а в результате Портсмутского мирного договора 23 августа (5 сентября н. ст.) 1905 г. часть территории Российской империи (в частности, Южный Сахалин) отошла к Японии. Таким образом, экономические показатели, относящиеся к 1905 и последующим годам, не вполне сопоставимы с показателями до 1904 г. (первые относятся к меньшей территории, обладавшей, строго говоря, меньшим экономическим потенциалом). Тем самым формально оценки глубины кризиса середины 1900-х гг. оказываются несколько преувеличенными, хотя фактически это смещение пренебрежимо мало.

Применительно к дореволюционному периоду возможные территориальные смещения показателей могут возникать и в результате использования данных, охватывающих разные части империи. В частности, Имеются как минимум три типа агрегированных данных для дореволюционного Периода - включающие территорию Финляндии, исключаящие Финляндию а, наконец, данные по 50 европейским губерниям. Очевидно, что одни и те же показатели (например, урожай хлебов или транспортные перевозки), но

относящиеся к разным территориям, имели не только разную абсолютную величину, но, что существенно с точки зрения нашего анализа, разную динамику в периоды кризисов.

Следующее возможное смещение показателей, относящихся к дореволюционному периоду, может возникнуть в 1916 и особенно в 1917 г., когда уже довольно существенная часть западных территорий империи была оккупирована Германией. Насколько нам известно, никаких специальных корректировок в официальной статистике в этой связи не проводилось, поэтому глубина кризисного сокращения агрегатных экономических показателей в 1916 -1917 гг. по сравнению с предшествующими годами (в частности, с 1913 г., который часто, но, как мы увидим дальше, не вполне корректно рассматривается в качестве предкризисного максимума), по-видимому, является преувеличенной.

Для обеспечения сопоставимости статистики за предреволюционные годы с послереволюционным периодом данные за 1913-1917 гг. обычно приводятся по территории в границах 1926-1938 гг. (напомним, что территория СССР продолжала меняться вплоть до 1925 г., когда были окончательно присоединены Бухара и Хива, а северная часть Сахалина освобождена от японской оккупации). Опять-таки в этом случае корректировка производится по данным о численности населения, проживавшего в 1913 г. в границах соответствующих территорий. Здесь также существуют некоторые неясности. Прежде всего, поскольку последняя (она же первая) дореволюционная перепись населения проводилась в 1897 г., то данные о численности населения в 1913 г. имеют сугубо расчетный и приближенный характер. При этом ЦСК МВД оценивал величину постоянного населения по губерниям (т.е. численность лиц, теоретически постоянно проживающих на данной территории), а не наличного населения (т.е. тех, кто фактически находится или проживает на этой территории в данный момент). Известно, что это стремление оценивать численность населения "по прописке", унаследованное в последующем советской властью, приводило к существенному завышению агрегатных демографических показателей³⁵.

В связи с этим как до, так и после революции 1917 г. делалось достаточно много альтернативных расчетов общей численности наличного населения Российской империи за послепереписные годы. В итоге, если ЦСК МВД

³⁵ См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М: Госиздат, 1930; Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М.: Наука, 1977. С. 62-82; Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858-1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории, 1981.1982. С. 112-116; Россия, 1913 год. С. 16.

определял численность постоянного населения Российской империи (без Финляндии) на 1 января 1914 г. в 175,1 млн. чел., то в советское время постепенно укоренилась оценка наличного населения в 165,7 млн. чел.³⁶ Разница, таким образом, составляет 9,4 млн. чел., или 5,4% от оценки ЦСК. Мы останавливаемся на этом вопросе так подробно, поскольку, несмотря на использование в качестве агрегатного показателя некоей альтернативной величины, все дезагрегированные расчеты долей численности населения, проживавшего на той или иной территории бывшей Российской империи, проводятся только на основе смещенных данных ЦСК по отдельным губерниям, и это может быть источником смещения оценок за 1913-1917 гг. "в границах 1926-1938 гг." (к сожалению, мы не можем определить направление этих возможных смещений).

Существуют разные варианты соответствующего переводного коэффициента, на который следует умножать данные по территории империи (без Финляндии) для приведения их к территории в межвоенных границах СССР. В официальных изданиях конца 1920-х-начала 1930-х гг. ЦСУ СССР пользовалось коэффициентом 0,828; после второй мировой войны используется коэффициент 0,841³⁷.

Сопоставляя этот переводной коэффициент с другими расчетами, следует сказать, что он является едва ли не наиболее высоким из используемых в экономической литературе³⁸. Таким образом, оценки величины экономических показателей за 1913-1917 гг. "в границах 1926-1938 гг.", используемые ЦСУ, могут рассматриваться скорее как несколько завышенные, что, при прочих равных, должно вести к некоторому преувеличению масштабов кризисного сокращения экономических показателей в первые послереволюционные годы относительно уровня 1913 г.

³⁶ См.: Россия, 1913 год. С. 16-17; Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 37.

³⁷ В последнем случае коэффициент рассчитывается из соотношения оценки численности наличного населения, проживавшего в границах всей империи без Финляндии (упомянутые выше 165,7 млн. чел.), и населения, проживавшего на территории в границах 1926-1938 гг. (139,3 млн. чел.). Заметим попутно, что для перевода дореволюционных показателей "в границы 1947 г." использовался коэффициент 0,961, т.е. численность населения империи в этих границах определяется в 159,2 млн. чел. (Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 9; см. также последующие публикации ЦСУ).

³⁸ Так, по данным А. Вайнштейна, этот коэффициент должен составлять 0,832, а по расчетам М. Фэлкса, - вообще 0,815 (Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России (Статистическое исследование). М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 451-457; Falcus M.E. Russia's National Income, 1913: A Reevaluation // *Economica*. Vol. 35. 1968. February. N 137. P. 55, 62).

При этом остаются преувеличенными и масштабы падения производства в 1917 г. по сравнению с 1913 г., поскольку к данным по империи за 1917 г. применяется тот же коэффициент, что и к 1913 г., хотя, как отмечалось выше, реальная территория, охватываемая показателями за 1917 г., была меньше, чем в 1913 г. В результате, оценки масштабов кризисного падения в первые послереволюционные годы по сравнению с 1917 г. можно считать примерно правильными (в том, что касается величины исходного уровня 1917 г.). Но при этом остается неясность в отношении "прочих равных", под которыми подразумевается прежде всего отсутствие территориальных изменений в 1918-1924 гг.

Формально в публикациях, вышедших после 1926 г., данные за 1917—1926 гг. по реальному сектору экономики описываются как относящиеся к постоянной территории. Действительно, по мере завершения гражданской войны и расширения территории, контролируемой Советским правительством, предпринимались попытки сбора данных о функционировании экономики в этих регионах за предшествующие годы³⁹. Точно так же после образования СССР в 1922 г. и по мере его дальнейшего расширения ЦСУ старалось собирать основные экономические данные по новым регионам за годы, предшествовавшие их присоединению к СССР.

Определить степень успешности этих попыток реконструкции статистических показателей "в неизменных границах" невозможно, но в любом случае точность данных за период 1918-1923 гг. не слишком велика. Например, в 1921 г. НКПС затребовал от всех отделений железных дорог данные о перевозках за четыре предшествующих года, но получил ответы лишь от половины отделений⁴⁰. Поэтому имеющиеся показатели могут несколько преувеличивать глубину падения производства в 1920-е годы относительно дореволюционного уровня (поскольку фактически охватывают меньшую территорию), особенно по сравнению с 1913 г., оценки за который "в границах 1926 г." могут быть несколько завышенными.

К сожалению, для определения динамики экономических показателей "в неизменных границах" в период первой мировой войны и первых

³⁹ См., например, характерное примечание в одном из справочников ЦСУ: «Прилагаемые ряды цифр даются для территории, которая находилась в каждом данном году в пределах советской власти, за исключением *посевной площади, рабочих и продукции промышленности и продукции транспорта* (курсив наш. —А.П.), которые даны в расчете на настоящие границы СССР, т.е. с учетом территорий, бывших в эпоху гражданской войны под властью "белых" и "зеленых" правительство» (Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917-1927. С. 4).

⁴⁰ См. об этом: Novak G. Op. cit. P. 186.

послереволюционных лет практически невозможно использовать и традиционный косвенный метод, базирующийся на численности населения⁴¹.

Территориальные изменения 1939-1940 гг., в принципе, учитываются в официальной статистике, хотя и не полностью. В частности, в конце 1950-х годов при расчете индексов с базой 1913 г., принятой за 100, ЦСУ перешло на другую базу: начиная с 1940 г. индексы рассчитываются по отношению к показателям за 1913 г., оцениваемым "в границах 1947 г.", а значения индекса за предыдущие годы - к показателям 1913 г., оцениваемым "в границах 1926-1938 гг." Не говоря уже о том, что изменения официальных территориальных границ СССР происходили не только в 1940 г., но также в 1939 г. и в 1945-1947 гг., используемая ЦСУ методика полностью маскирует реальную картину экономических изменений в 1938-1941 гг.

Предвоенные территориальные изменения, по данным официальной статистики, увеличили численность населения СССР со 170,6 млн. до 190,7 млн. чел., т.е. на 20,1 млн. чел., или на 11,8% численности на начало 1939 г.⁴² Как известно, это увеличение произошло за счет Западной Украины и Западной Белоруссии (Польша), Бессарабии и Северной Буковины (Румыния), части Финляндии, а также Латвии, Литвы и Эстонии⁴³. Поэтому в тех случаях, когда показатели за 1940 г., "территориально сопоставимые" с предшествующими годами, не могут быть получены из данных официальной советской статистики (кстати, возможность получить такие показатели не столь мала, несмотря на стремление ЦСУ замаскировать роль территориальных изменений, происходивших в эти годы), мы использовали косвенные оценки, базирующиеся на данных о численности населения⁴⁴.

⁴¹ См., например: Волков Е.З. Указ. соч.; Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М.: Госстатиздат, 1956; Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг. // Археографический ежегодник за 1968 год. М: Наука, 1970. С. 242-253; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986.

⁴² Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 7. Анализ альтернативных оценок результатов переписи 1939 г. см.: Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции / Под ред. Ю.В. Полякова. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 27-49.

⁴³ По подсчетам западных экономистов, увеличение численности населения было несколько большим, чем по данным ЦСУ, и составляло 22,6 млн. чел. (в том числе 12,5 млн. чел. в 1939 г. и 10,1 млн. чел. в 1940 г.), т.е. +13,1% к уровню начала 1939 г. (Moorsteen R., Powel R.P. Op. cit. P. 71.); см. также: Андреев Е., Дарский Л., Харьковская Т. Опыт оценки численности населения СССР, 1926-1941 гг. // Вестник статистики. 1990. № 1.

⁴⁴ Для национального продукта и капиталовложений мы использовали коэффициент 0,895 (данные ЦСУ, см.: Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 7) или 0,883 (данные А. Бергсона, см.: Moorsteen R., Powel R.P. Op. cit. P. 71). Оценка объема промышленного производства может быть сделана исходя из данных о численности городского населения (соответствующие данные см.: Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 7).

Приводимые в официальных изданиях данные за период 1940-1947 гг. также совершенно очевидно относятся к переменной территории. Во-первых, имеются различия между территорией СССР в 1940 и 1947 гг. Как известно, в 1944-1947 гг. границы СССР увеличились на 0,2 млн. км² за счет Тувы, Восточной Пруссии (Германия), части Финляндии, Южного Сахалина и Курильских островов (Япония), Закарпатской Украины (с 1938 г. эта территория принадлежала Венгрии, в 1919-1938 гг. - Чехословакии, до этого - Австро-Венгрии). По имеющимся данным, на указанных территориях в 1939 г. проживало около 1 млн. чел.⁴⁵, но этими приращениями мы вынуждены пренебречь. Впрочем, на фоне колоссальных людских потерь в годы войны эти изменения численности населения относительно невелики⁴⁶, а с точки зрения экономического потенциала ни Тува, ни разрушенная послевоенная Восточная Пруссия существенно не меняли общую картину состояния экономики страны в середине 1940-х годов.

Во-вторых, что более существенно, данные за 1941-1944 гг. относятся к территориям, *не находившимся* в соответствующие моменты времени под немецкой оккупацией, и это уже значительно влияет на величину экономических показателей. Поэтому мы проводили корректировку исходной статистики на основе опубликованных ЦСУ данных о доле населения оккупированных территорий в общей численности населения СССР в 1939 г. (с учетом территорий, присоединенных в 1939-1940 гг.)⁴⁷.

Для периода 1989-1996 гг. мы использовали показатели в границах Российской Федерации (хотя как самостоятельное государство РФ существует

⁴⁵ Moorsteen R., Powel R.P. Op. cit. P. 71.

⁴⁶ По данным ЦСУ, численность населения СССР составляла на начало 1940 г. 194 1 млн чел (но в границах конца 1940 г.!), в 1947 г. - 170,5 млн. чел., а в начале 1950 г. - 178,5 млн чел (рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1987 С 5 28), т.е. за годы войны население, судя по этим данным, сократилось не менее чем на 25 млн чел. (если предположить наличие хоть какого-то прироста населения в течение 1940 г. и первой половины 1941 г.). Заметим, что в качестве официальной оценки людских потерь в годы войны в послевоенных справочниках ЦСУ неизменно фигурировала цифра 20млн. чел. (см., например: Там же С. 46). Альтернативные оценки см.: Максудов С. Потери населения СССР. Benson (Vermont), 1989- Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Оценка людских потерь в период Великой Отечественной войны // Вестник статистики. 1990. № 10.

⁴⁷ Мы использовали следующие поправочные коэффициенты, на которые делились исходные данные: для 1941 г. - 0,815=1-0,37:2 (при этом мы предполагали, что показатели за 1941 г включают данные за первую его половину по всей территории СССР, а за вторую половину года - только по неоккупированной к концу года территории); для 1942 г.- 0,58; для 1943г - 076; для 1944 г. - 0,93 (средняя из показателей численности населения на оккупированных территориях на 22.06.44 г. и 2.08.44 г.) (рассчитано по: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М, 1990. С. 20).

лишь с 1991 г.). Но и в этом случае возникают определенные сложности. Во-первых, далеко не все макроэкономические показатели, относящиеся к 1989-1990 гг., могут быть оценены в границах РФ, т.е. вычленены из данных по СССР в целом (наиболее характерный пример - государственный бюджет, а в контексте нашего анализа - транспортные перевозки, особенно морские и воздушные).

Во-вторых, следует учитывать, что показатели за 1989-1996 гг. также относятся к переменной территории. Дело в том, что начиная, по крайней мере, с 1993 г. в официальных справочниках отсутствуют какие бы то ни было данные по Чечне (если не считать экспертных оценок численности населения). Таким образом, общие показатели по РФ, например, за 1991 и 1996 гг. относятся, строго говоря, к разным территориям и их следует приводить к сопоставимому виду. Но учитывая, что в 1991 г. Чечня входила в состав Чечено-Ингушетии, выделить данные, относившиеся собственно к Чечне, и тем самым привести показатели за 1991 г. в соответствие с фактической территорией 1996 г. не удастся⁴⁸.

Так или иначе, добиться стопроцентной территориальной однородности всех рассматриваемых нами показателей даже в относительно короткие подпериоды, видимо, невозможно. В большинстве случаев мы вынуждены принимать на веру официальные заявления ЦСУ (Госкомстата) о территориальной однородности публикуемых показателей. Дополнительно мы попытались, насколько это было возможно, привести к "территориально сопоставимому" виду показатели за 1938—1940 гг. и за 1940—1947 гг., хотя наши оценки имеют достаточно условный характер. В результате в лучшем случае можно говорить о том, что используемые нами экономические показатели относятся примерно к одной и той же территории в рамках каждого из рассматриваемых нами периодов (но существенно различной для разных периодов).

3. Альтернативные показатели

Прежде чем перейти к анализу собственно кризисных процессов в экономике, мы считаем необходимым хотя бы в общих чертах сопоставить имеющиеся альтернативные показатели экономической динамики - в первую очередь официальные данные и расчеты западных экономистов.

⁴⁸ Заметим, что ныне территория России практически вернулась к границам 1689 г. Из "приобретений" 1689-1989 гг. остались Алтай и Тува, впервые присоединенные в XVIII в., а также Камчатка, Сахалин и Амурская территория, присоединенные в XIX в. Все остальные территориальные приобретения, сделанные на протяжении 300 лет, были потеряны за один год (см.: Хронология российской истории. Энциклопедический справочник: Пер. с фр. М.: Международные отношения, 1994. Карты VII, XI, XV).

В период 1900-1913 гг. различия между имеющимися оценками динамики реального сектора являются минимальными, что, впрочем, неудивительно. Все авторы используют примерно одни и те же первичные статистические ряды, взятые из официальной статистики, - будь то урожайность зерновых, перевозки железнодорожного транспорта или производство тех или иных видов промышленной продукции, а также примерно одни и те же данные о ценах.

Так, показатели чистого национального продукта в рассматриваемый период, сделанные П. Грегори, и суррогатные показатели суммарного объема валовой продукции промышленности и сельского хозяйства (построенные В. Варзаром, а также рассчитанные нами по данным Р. Голдсмита) демонстрируют примерно один и тот же темп роста -1,5-1,6 раза к уровню 1900 г. (см. табл. А-1).

Индекс промышленного производства, рассчитанный Я. Герчуком в 1926 г., показывает рост производства в рассматриваемый период в 1,64 раза⁴⁹. Альтернативные варианты того же индекса (с разными системами весов), рассчитанные в конце 1950-х гг. И. Боренстейном и Р. Голдсмитом, дают примерно такой же результат - рост в пределах 1,59-1,68 раза в период 1900-1913 гг.⁵⁰ Аналогичный результат дают точечные оценки Дж. Наттера -1,68 раза. Чуть более высокие темпы роста демонстрируют индексы Л. Кафенгауза, рассчитанные в конце 1920-х гг., - рост равен 1,75-1,77 раза (но индекс Кафенгауза сильнее смещен в сторону крупной промышленности). Явно выбиваются из этого ряда лишь данные ЦУНХУ, относящиеся к фабрично-заводской продукции в неизменных ценах, - здесь рост составляет 2,3 раза.

В период 1913-1928 гг. разброс советских и западных оценок несколько увеличивается, но все еще остается в "допустимых пределах". Так, по расчетам Госплана и ЦСУ, в 1928 г. национальный продукт увеличился в 1,11-1,19 раза по сравнению с 1913 г., а большинство альтернативных оценок варьирует в пределах 1,06-1,15 раза⁵¹. Учитывая различия в методологии, можно считать советские и западные расчеты темпов роста в этот период достаточно близкими.

⁴⁹ Авторство этого индекса часто приписывают Н. Кондратьеву, но на самом деле он был рассчитан Я. Герчуком - одним из сотрудников Конъюнктурного института, который возглавлял Н. Кондратьев.

⁵⁰ Заметим попутно, что в статье Р. Голдсмита указана (видимо, в результате опечатки) неверная величина индекса промышленного производства в 1902 г. - вместо напечатанного значения 108,7 должно быть 103,7 (Goldsmith R.W. Op. cit. P. 463. Tab. 7. Col. 3). Эта опечатка часто воспроизводится при использовании данного ряда, например, в компендиуме европейской исторической статистики, подготовленном Б. Митчеллом (см.: Mitchell B.R. Op. cit. P. 377).

⁵¹ По оценке П. Грегори (вариант "В"), этот показатель равен 1,06; у Р. Дэвиса и С. Уиткрофта - 1,11; у А. Мэддисона - 1,13; у М. Фэлкаса - 1,15. К этим расчетам примыкает оценка Б. Болотина

Объем продукции промышленности, согласно данным Госплана и ЦСУ, в 1928 г. в 1,2-1,3 раза превосходил уровень 1913 г., а по расчетам Дж. Наттера, рост промышленного производства в этот период был близок к нулю (1,03-1,00 раза к уровню 1913 г.). Но при этом основная часть расхождения возникает в 1928 г. - разница советских и западных оценок уровня промышленного производства в 1925-1927 гг. относительно 1913 г. лежит в пределах статистической погрешности (см. табл. В-2а, В-2б).

Самые интересные различия наблюдаются в период 1928-1940 гг. К сожалению, и официальные советские показатели, и оценки западных экономистов для этого периода (в частности, А. Бергсона и Р. Мурстина и Р. Пауэлла) относятся к переменной территории, что делает показатели для 1940 г. (и отчасти для 1939 г.) несопоставимыми с предшествующим периодом. Поэтому целесообразно разделить этот период на два и обратиться вначале к 1928-1937 гг.

Применительно к национальному продукту сравнивать западные расчеты с данными ЦУНХУ/ЦСУ в период 1928 -1937 гг. достаточно бессмысленно, поскольку советские показатели для этого периода, как отмечалось выше, "забыли" пересмотреть после второй мировой войны, когда пересматривалась динамика промышленного и сельскохозяйственного производства. Но даже западные расчеты дают здесь фантастическое расхождение - увеличение национального продукта в этот период варьируется в пределах 1,6 -2,8 раза к уровню 1928 г. ! Что самое интересное, оба крайних варианта оценок принадлежат одному автору — А. Бергсону, расчеты которого по ВВП для данного периода считаются своего рода референтными в западной экономической литературе. Очевидно, что причины такого разброса результатов нуждаются в более детальном обсуждении, и мы вернемся к этому вопросу чуть ниже. Пока же отметим, что в период 1937-1940 гг. советские и западные оценки темпов роста национального продукта (без корректировки на территориальные изменения) существенно сближаются (см. табл. А-3).

Что касается сельского хозяйства, то после публикации ЦСУ пересмотренных показателей динамики сельскохозяйственного производства в 1930-е гг. выяснилось, что все хитроумные косвенные расчеты западных специалистов дают примерно тот же результат, что и официальные советские источники (см. табл. Б-3а, Б-3б, Б-3в).

(1,10 в 1929 г.). Более низкие оценки встречаются у П. Грегори (вариант "А") - 0,94 и А. Ванштейна (0,79 в 1927 г.). См. также: Gregory P.R. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-year Plan. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 156; The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945. P. 42.

Наконец, для показателей объема промышленного производства мы имеем примерно ту же ситуацию, что и для национального продукта - официальные советские показатели являются явно завышенными и сильно разнятся с западными расчетами. Здесь также наблюдается колоссальный разброс оценок в период 1928-1937 гг. - по разным данным, промышленное производство увеличилось за этот период в 2,3-4,4 раза, причем максимальное увеличение демонстрируют не только официальные советские показатели, но и некоторые расчеты западных экономистов. В свою очередь, в период 1937-1940 гг. советские и западные расчеты темпов роста промышленности оказываются весьма близкими (с учетом территориальных изменений) (см. табл. В-3а, В-3б).

В период 1940 -1950 гг. советские и западные оценки экономического роста неодинаковы, но фактически они различаются примерно на полтора года. Иными словами, по западным расчетам, в 1950 г. объем национального продукта в 1,21-1,25 раза превосходил уровень 1940 г., а по советским данным, такое превышение было достигнуто уже в 1948-1949 гг. (см. табл. А-4)⁵². Такая же ситуация наблюдается и применительно к показателям развития промышленности - объем промышленного производства, достигнутый в СССР в 1950 г., по западным оценкам (1,3-1,4 раза по сравнению с 1940 г.), примерно соответствует тому уровню, который, по советским данным, был достигнут в 1948 или в 1949 г. Более того, показатели объема производства потребительских товаров в 1950 г., рассчитанные ЦСУ и западными экономистами, почти совпадают (рост примерно в 1,2 раза по сравнению с 1940 г.) (см. табл. В-4а, В-4б).

Итак, выясняется, что на протяжении первой половины века все имеющиеся оценки темпов экономического роста России/СССР по существу оказываются достаточно близкими (если отбросить явно завышенные данные ЦСУ о динамике национального продукта в 1928 -1937 гг.). Принципиальное сходство советских и западных показателей экономического роста СССР обусловлено тем, что "западные исследования опираются на классические работы А.Бергсона и ЦРУ США, основанные на предположении, что официальные данные о физических объемах не имели систематических искажений"⁵³. Правда, мы со своей стороны далеко не в полной мере разделяем эту уверенность: не следует забывать, что при

⁵² Западным расчетам примерно соответствует оценка Г. Ханина - по его данным, в 1950 г. национальный продукт увеличился по сравнению с 1941 г. в 1,5 раза (Ханин Г.И. Экономический рост: альтернативная оценка // Коммунист. 1988. № 17. С. 85).

⁵³ Easterly W., Fischer S. Op. cit. P. 342.

советской власти статистическая отчетность систематически "корректировалась" на всех уровнях - от галашной фабрики и райкома партии до ЦСУ и Секретариата ЦК.

Имеющиеся расхождения между показателями динамики реального сектора на протяжении первой половины века связаны, во-первых, с различиями в широте охвата. Например, для начала века различия в оценке динамики сельскохозяйственного производства во многом определяются тем, берутся ли данные только по 50 европейским губерниям и областям России, или же, например, по 72 губерниям. Различия в определении темпов промышленного производства зачастую связаны с набором используемых продуктов при построении индексов физического объема, а также со степенью учета мелкой (ремесленной и кустарной) промышленности.

Во-вторых, некоторые различия могут возникать из-за использования разной методологии расчетов - например, разных концепций национального продукта или различий в динамике индексов физического объема и валового объема промышленной или сельскохозяйственной продукции в неизменных ценах. Сюда же относятся различия в учете динамики цен - в советской статистике учитывались только официальные преysкурантные изменения, а западные авторы пытаются оценивать все ценовые сдвиги, вплоть до скрытой инфляции, проявляющейся в дефиците товаров.

Еще один фактор, определяющий расхождения результатов, - система используемых весов при построении агрегатных показателей. В известной обзорной работе по экономическому росту в СССР Г. Офер пишет по этому поводу: "Единственным периодом, на котором методика построения индексов оказывает существенное влияние на оценку темпов экономического роста, является 1928-1940 гг. На протяжении этого периода Советский Союз проходил через стадию чрезвычайно резкого изменения структуры промышленности и относительных цен. В результате, если ВВП рассчитывается в ценах 1928 г., то в этом случае мы получаем гораздо более высокие темпы роста. Для периода 1928-1937 гг. Бергсон оценил темпы прироста по Ласпейрасу в 11,4% в год, а по Пааше - в 4,9% (Bergson A. *The Real National Income of Soviet Russia since 1928*. P.180)... Как явствует из теории индексов, не существует теоретических оснований для предпочтения одной базы для построения индекса другой"⁵⁴.

Впрочем, несмотря на справедливое замечание Г.Офера об отсутствии априорных доводов в пользу того или иного индекса, во всех западных работах по советской экономике, охватывающих период 1928-1937 гг.,

⁵⁴Ofer G. Op. cit. P. 1781.

предпочтение отдается показателям, рассчитанным в базе (и в ценах) 1937 г., а не 1928 г. (в частности, в упомянутой работе Г.Офера)⁵⁵. Существование радикально иных оценок темпов роста в ценах 1928 г., которые мало чем отличаются от официальных советских показателей, предпочитают не слишком афишировать - иначе темпы роста в 1930-е гг. выглядают "чересчур высокими". Но, на наш взгляд, проблема здесь лежит не в плоскости выбора между индексами Ласпейраса или Пааше, а имеет гораздо более фундаментальный характер, связанный с феноменом "социалистического ценообразования".

Напомним, что начиная с 1930-х гг. в советской статистике базовыми для всех расчетов в период 1913 -1950 гг. являлись цены 1926/27 хозяйственного года. Именно в 1926/27 г. была впервые директивно установлена система цен (до этого лишь регулировались цены на отдельные товары). В последующие годы цены на промышленную и сельскохозяйственную продукцию неоднократно менялись, в частности, существенные изменения отпускных цен на промышленную продукцию произошли в 1933 и 1936 гг.⁵⁶ При этом повышались цены прежде всего на продукцию медленно растущих отраслей, производящих предметы потребления, и снижались цены на продукцию быстро растущей тяжелой промышленности. Формально ценовая политика таким образом ограничивала спрос на предметы потребления и стимулировала спрос на средства производства. Но это утверждение, равно как и методика построения агрегатных показателей динамики реального сектора в СССР, не вполне корректно.

Дело в том, что вся теория построения индексов (да и вообще любых агрегатных индикаторов экономической динамики) приложима только к рыночной экономике, в которой относительные цены хотя бы в какой-то мере определяются структурой спроса и предложения. Не спасает ситуацию и использование в качестве весов неких физических показателей, таких, как количество занятых или объем потребляемой в данном секторе энергии⁵⁷: во-первых, использование физических мер в качестве весов возможно только на уровне отраслевой агрегации (но не на уровне отдельных продуктов); во-вторых, в условиях планового хозяйства и численность занятых, и объем потребления энергии в конкретных отраслях могут

⁵⁵ См.: Ofer G. Op. cit. P. 1778. Tab. 1.

⁵⁶ Подробнее об этом см. превосходную работу: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963 гг.). М: Мысль, 1964.

⁵⁷ Например, как это сделал Я. Герчук при построении весов для индекса физического объема промышленного производства в царской России.

искусственно завышаться или занижаться по сравнению с теоретическим "рыночным" распределением.

Если говорить конкретно о ценах 1928 г. (а фактически, 1926/27 хозяйственного года) и 1937 г., то, при прочих равных, предпочтение следует отдать первым - при их установлении еще сохранялась хоть какая-то связь с рыночными ценами (как с дореволюционными, так и с существовавшими в период нэпа). Цены же, которые были установлены к 1937 г., были взяты, что называется, "с потолка" и вообще не являлись ценами в строгом смысле этого слова. Конечно, и цены 1926/27 хозяйственного года уже не вполне соответствуют вкладываемому в это понятие смыслу. Строго корректными можно признать только показатели, рассчитанные с использованием цен и весов, существующих в условиях рыночной экономики, - применительно к России речь идет о периоде до 1913 г. или же о периоде после 1994 г. (в 1992-1993 гг. еще происходил переход от директивных к рыночным относительным ценам). Агрегатные показатели экономической динамики, полученные на основе использования цен 1937, 1955, 1969 или любого другого года, строго говоря, являются артефактом.

Для неэкономистов приведем простой пример. Предположим, что в некоей стране с рыночной экономикой выращиваются всего два продукта - кокосы и бананы, причем и те, и другие стоят рубль за килограмм.

Предположим теперь, что в этой стране происходит социалистическая революция, после которой пришедшие к власти революционеры устанавливают новые "закупочные" цены - килограмм кокосов стоит по-прежнему рубль, а килограмм бананов теперь стоит одну копейку. В первый год производится по 100 кг бананов и кокосов, суммарный объем производства сельскохозяйственной продукции составляет 101 руб. в новых ценах. На следующий год производство бананов увеличивается в два раза, суммарный объем сельскохозяйственного производства будет равен 102 руб. в "неизменных" ценах, т.е. возрастет за год менее чем на 1%.

Видя такое дело, правительство вводит новый "прейскурант закупочных цен", в соответствии с которым теперь уже килограмм кокосов стоит одну копейку, а килограмм бананов стоит рубль, и соответствующим образом пересчитывает темпы роста производства за прошлый год. Получается, что производство сельскохозяйственной продукции в новых "постоянных" ценах выросло со 101 до 201 руб., т.е. увеличилось почти на 100%, что, в свою очередь, может рассматриваться как наглядное проявление преимущества социалистического строя над капиталистическим.

Итак, какая же из оценок годового темпа прироста продукции "социалистического сельского хозяйства" является "правильной" - 1% или

100% ? В данном случае ответ получить достаточно легко - для этого нужно всего лишь использовать "дореволюционные" цены, и мы получим, что "на самом деле" производство выросло на 50%. Но если в следующем году правительство заставит жителей вырастить вдобавок еще и 1 кг кукурузы, которая не производилась до революции (и на которую устанавливается "закупочная" цена, например, 100 руб. за килограмм), то определение действительного темпа роста общего объема сельскохозяйственной продукции оказывается практически невозможным.

К сожалению, западные экономисты (даже те, которые считаются специалистами по советской экономике) не до конца отдают себе в этом отчет, подсознательно (или даже сознательно) отождествляя советские "цены" с теми ценами, про которые говорится в учебниках по рыночной экономике. Конечно, примириться с мыслью, что в советской экономике цены отсутствуют (или что из-за произвольного решения какого-то Комитета по ценам показатели темпов экономического роста в СССР могли увеличиться или уменьшиться в два раза), достаточно трудно. Но подавляющая часть агрегатных показателей развития советской экономики является, увы, не более чем "игрой в цифири".

Не решает проблемы и методика, предлагавшаяся Г. Ханиным в серии публикаций конца 1980-х гг., которые вызвали оживленную полемику на Западе⁵⁸. Осознавая невозможность определения весов на базе директивно устанавливаемых цен, Г. Ханин использовал при построении агрегатных показателей невзвешенные средние величины отдельных физических индикаторов, но такой подход в основном лишь свидетельствует о безысходности ситуации и безнадежности попыток определения динамики агрегатных показателей в условиях социалистической экономики.

В середине 1980-х гг., когда Г. Ханин разрабатывал свою методику, о рыночных ценах в России никому не приходило в голову даже мечтать, но теперь ситуация существенно изменилась. Впрочем, работа по реконструкции экономической динамики СССР, исходя из рыночных цен (хотя бы, например, 1996 г., за неимением лучших альтернатив), а не на основе составленных "от фонаря" преysкурантов советского времени или простого сложения индексов производства соли, спичек и керосина, является

⁵⁸ См.: Ханин Г.И. Экономический рост: альтернативная оценка // Он же. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991; Bergson A. On Soviet Real Investment Growth // *Soviet Studies*. 1987. July. V. 39. N 3. P. 406-424; Ericson R.E. The Soviet Statistical Debate: Khanin vs. TsSU. // *The Impoverished Superpower* / H.S.Rowen, Ch. Wolf, Jr. (eds.). San Francisco: ICS Press, 1990.

делом будущего (кстати, Госкомстат РФ до сих пор продолжает оценивать динамику валовой продукции сельского хозяйства в ценах 1983 г. !). До той поры речь может идти лишь о некоей эфемерной картине, связь которой как с экономической теорией, так и с экономической реальностью является весьма условной, что, кстати, в полной мере относится и к нашей работе.

4. Датировка кризисов

Период, предшествующий началу первой мировой войны, традиционно считается (и не без оснований) периодом относительно высоких темпов экономического роста. Действительно, за 1900—1913 гг. основные показатели, характеризующие рост реального сектора экономики, увеличились в 1,5-2 раза. Вместе с тем развитие экономики имело крайне неустойчивый характер. Основным источником этой неустойчивости было, естественно, сельское хозяйство, продолжавшее занимать доминирующие позиции в экономике.

За пиковыми урожайными годами (1899, 1902, 1904, 1909-1910 гг.) следовали менее урожайные годы (1900-1901, 1903, 1905-1906, 1911 гг.), когда формально объем сельскохозяйственной продукции сокращался относительно предшествующего максимума. Обусловленные во многом погодными факторами перепады в урожайности, в свою очередь, сказывались и на развитии перерабатывающих отраслей промышленности, и на работе транспорта, и на динамике финансовых потоков, в том числе инвестиционных.

Подавляющее большинство крупнейших отечественных экономистов первой половины нашего века считало весь период 1900 -1908 гг. периодом депрессии и застоя в экономике. Эту точку зрения отстаивали М. Туган-Барановский, М. Балабанов, С. Первушин, А. Финн-Енотаевский, П. Лященко и др.⁵⁹ Другие авторы, придерживавшиеся строго марксистских позиций, - С. Струмилин, А. Яковлев и Л. Мендельсон - пытались втиснуть экономическую динамику предреволюционного периода в прокрустово ложе концепции мировых циклических кризисов, подгоняя развитие хозяйственной конъюнктуры в России под динамику развитых стран - Англии, США и Германии, и доказывая, что "правильные" ("циклические") кризисы наблюдались в 1900 -1903 и 1907-1908 гг., а спад 1905-1906 гг. следует рассматривать не как кризис, а как "нарушение нормального хода производственного процесса".

⁵⁹ Краткий обзор этих взглядов см.: Мендельсон Л.А. Указ. соч. Т. 3. С. 126-127.

Оставляя в стороне игры с определениями и обращаясь к статистическим показателям, можно сделать вывод, что в рамках рассматриваемого периода только в 1905 г. российская экономика испытала по-настоящему тяжелый кризис, охвативший все сферы хозяйства. Именно в этом году наблюдалось сокращение общего объема промышленного производства, и, если уж придерживаться строгих определений, только применительно к этому году можно говорить о промышленном кризисе. Этот промышленный кризис был усугублен наиболее существенным за рассматриваемый период падением объема сельскохозяйственной продукции, причем не только растениеводства, но и животноводства. Наконец, только в 1905 г. наблюдалось уменьшение в целом динамично возрасставших до этого объемов железнодорожных перевозок, как грузовых, так и пассажирских.

С учетом всех имеющихся показателей верхнюю предкризисную точку экономического развития в рассматриваемый период можно датировать 1904 г., нижнюю - 1906 г., причем уже в 1907 г. реальный сектор по всем показателям (кроме сельского хозяйства) вышел на предкризисный уровень.

Что же касается "депрессии" 1900-х гг., то здесь можно заметить следующее. Действительно, среднегодовой объем продукции растениеводства в 1900-1908 гг. был на 18-19% ниже, чем в 1909-1913 гг., в целом при стабильном состоянии животноводства (табл. Б-1). Среднегодовые темпы прироста промышленного производства составляли 1,8-2,5% в 1901-1909 гг. по сравнению с 7,5-8,3% в 1910-1913 гг. (табл. В-1). Наконец, среднегодовые темпы прироста национального продукта возросли с 1,5% в 1900 - 1908 гг. до 5,5- 6,5% в 1909-1913 гг. (табл. А-1). Конечно, на фоне 6 -7% среднегодовых темпов прироста, достигнутых в начале 1910-х гг., темпы прироста в 1,5-2 %, наблюдавшиеся в 1900-е гг., выглядят как депрессия, но сами по себе они являются не такими уж низкими.

В период 1913 -1928 гг., по существу, произошло два кризиса, следовавших один за другим (или два этапа одного кризиса). Первый этап проходил в годы первой мировой войны, второй — после захвата власти большевиками. При этом наибольшие разногласия вызывает не столько общая оценка суммарного сокращения экономической деятельности, произошедшая к 1921-1922 г., сколько распределение этого суммарного падения между двумя этапами - до- и послереволюционным.

Как это ни странно, но динамика хозяйственного развития в годы первой мировой войны, несмотря на большое количество специальных исследований, остается достаточно неопределенной. Погодовые данные о

величине национального продукта за этот период отсутствуют. Для динамики сельскохозяйственного производства существует всего несколько агрегатных оценок. Наиболее надежными из них можно считать расчеты Госплана, согласно которым объем сельскохозяйственного производства в 1913-1916 гг. оставался стабильным и лишь в 1917 г. сократился примерно на 8%. Объем сбора зерновых в 1914 -1916 гг. хотя и снизился по сравнению с рекордным урожаем 1913 г., тем не менее примерно соответствовал сбору зерновых в 1910 -1912 гг.

Что касается промышленного производства, то его общий объем, согласно большинству расчетов, в 1914 -1916 гг. возрастал, а не уменьшался (только один источник демонстрирует постоянство объема промышленного производства в эти годы) (см. табл. В-2а, В-2б). Наконец, объем грузовых железнодорожных перевозок также увеличивался вплоть до 1916 г. Конечно, рост промышленного производства происходил прежде всего за счет увеличения производств, работавших на войну, - будь то тяжелая (производство вооружений) или легкая (производство военного обмундирования) промышленность. Соответственно, и рост объема железнодорожных перевозок также был во многом связан с транспортировкой военных грузов. Но все же начало экономического кризиса, видимо, следует датировать не 1914 г., а, по крайней мере, 1916 г., считая годом предкризисного максимума 1915 г.

Насколько можно судить по имеющимся специальным исследованиям, лишь в 1916 г. экономика начала испытывать реальные трудности. Например, со второй половины 1916 г. началось снижение реальной заработной платы промышленных рабочих, которая до этого оставалась сравнительно стабильной⁶⁰. Существенную стимулирующую роль в ускорении кризисных процессов сыграло, на наш взгляд, утверждение Государственной думой фиксированных закупочных цен на рожь и пшеницу в конце 1915 г. и принятое весной 1916 г. царским правительством решение о введении продразверстки (которая, как видим, была изобретена отнюдь не большевиками).

Первый этап кризиса завершился в 1917 г., с приходом к власти большевиков, и последующее продолжение кризиса целесообразно рассматривать как его второй, достаточно самостоятельный этап.

⁶⁰ См., например: Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957. С. 358.

На этом этапе нижняя точка кризисного сокращения промышленного производства была достигнута (практически по всем имеющимся данным) в 1920 г., в этом же году был пройден минимум объема железнодорожных перевозок и минимальный уровень валовых инвестиций в основной капитал. Однако минимум объема производства в сельском хозяйстве, по данным ЦСУ, был достигнут в 1921 г. (табл. Б-2). Эта оценка согласуется с соответствующими данными по растениеводству и животноводству - для каждого из этих секторов ЦСУ датирует нижнюю точку кризиса 1921 г. Действительно, именно в 1921 г. был собран рекордно низкий урожай зерновых и достигло минимума поголовье скота (хотя производство мяса было минимальным в 1922 г.). Учитывая высокий удельный вес сельского хозяйства в этот период, минимальный уровень совокупного национального продукта был достигнут, видимо, в 1921 г. (точнее, в 1920/21 хозяйственном году, охватывавшем период с IV квартала 1920 г. по III квартал 1921 г.)⁶¹.

Выход из кризиса продолжался вплоть до конца 1920-х гг. Объем сельскохозяйственного производства, соответствующий уровню 1913 г., был достигнут, по-видимому, в 1926 г., в том числе по продукции животноводства - в 1925 г., а по растениеводству - лишь в 1928 г. Общий объем грузовых перевозок, судя по данным ЦСУ, достиг уровня 1913 г. в 1928 г. При этом железнодорожные перевозки вышли на довоенный уровень в 1926 г., но лишь в 1928 г. превысили максимум, достигнутый в ходе войны (1916 г.). Промышленное производство вышло на уровень 1913 г. в 1927—1928 гг., и превысило максимум 1916 г. в 1928 -1929 гг. (согласно большинству источников). Объем инвестиций (по данным ЦСУ) в 1928 г. также несколько превысил уровень 1913 г. Таким образом, можно полагать, что объем национального продукта в 1928 г., видимо, немного превысил уровень 1913 г. и примерно соответствовал максимуму, достигнутому в годы первой мировой войны.

Экономическая динамика в период 1928-1940 гг. оказывается едва ли не самой туманной, несмотря на обилие статистических исследований, проводившихся западными экономистами для этого периода. Ситуация усугубляется тем, что именно в указанный период официальные данные являются наименее надежными, и кризис начала 1930-х гг, в отличие от предшествующих, всячески скрывался и камуфлировался официальной статистикой.

⁶¹ Не вполне ясно, каким образом в расчетах Госплана, сделанных в конце 1920-х гг., годом минимума сельскохозяйственного производства и соответственно совокупного объема продукции промышленности и сельского хозяйства оказался 1922 г. (см. табл. А-2 и Б-2).

Хорошо известно, что кризис конца 1920-х - начала 1930-х гг. был связан прежде всего с коллективизацией, и его эпицентром стало сельское хозяйство, хотя в результате кризис приобрел общеэкономические масштабы и отнюдь не ограничился сельскохозяйственным производством. По данным ЦСУ, уже в 1928 г. проявились первые симптомы кризиса, выразившиеся в сокращении поголовья скота. В 1929 г. началось сокращение валовой продукции животноводства и несколько уменьшился объем продукции растениеводства. После некоторого увеличения объема продукции растениеводства в 1930 г. в 1931-1933 гг. ее производство снова сократилось. В результате общий объем сельскохозяйственной продукции начал сокращаться в 1929 г. и достиг минимума в 1933 г. (по расчетам западных экономистов, нижняя точка была пройдена в 1932 г.).

Промышленное производство (как общее производство, так и производство предметов потребления), по данным ЦСУ, не сокращалось в 1930-е гг. По западным оценкам, в 1932-1933 гг. наблюдалось довольно заметное сокращение производства предметов потребления, что обусловило приостановку роста или небольшое сокращение общего объема промышленного производства в эти годы. Кризисные явления на транспорте начались чуть позже - в 1933 г., и продолжались вплоть до 1935 г.⁶² Особенно заметно сократился объем пассажирских перевозок, который является не столько показателем работы самого транспорта, сколько индикатором общеэкономической ситуации в стране. Инвестиции в основной капитал, по расчетам ЦСУ и западных экономистов, сократились только в 1933 г. Наконец, объем национального продукта, по имеющимся оценкам западных экономистов, сократился в 1932 г.

Сложность датировки кризиса отчасти напоминает ситуацию с кризисом периода первой мировой войны - ясно, что кризис начался уже в самом начале рассматриваемого нами периода 1928-1940 гг., но по формальным показателям его, видимо, следует датировать 1932-1933 гг. И уже в 1935 г., по всем имеющимся данным, экономика вышла на предкризисный уровень.

Впрочем, в конце 1930-х гг. в экономике снова начали обнаруживаться кризисные явления. Определить масштабы кризисного сокращения хозяйственной деятельности в 1939-1940 гг. достаточно сложно из-за значительных территориальных изменений, происходивших в эти годы. Тем не менее даже оценки, полученные из официальных публикаций, дают основание полагать, что кризис начался не в 1941 г., как это принято считать, а как минимум в 1940, а то и в 1939 г.

⁶² См.: Novak G. Op. cit.

В частности, уже в 1939 г. начало сокращаться поголовье скота и (по данным ЦСУ) уменьшился объем продукции животноводства. В 1940 г. сократилось производство предметов потребления (по данным как ЦСУ, так и западных экономистов). По расчетам западных экономистов, уже в 1939 г. начали сокращаться инвестиции в основной капитал. Наконец, по нашим оценкам, сделанным на основе официальных данных ЦСУ, в 1940 г. сократился объем национального продукта.

По официальным данным, нижняя точка кризиса 1940-х гг. пришлась на 1942 г. Но эти оценки существенно смещены из-за изменения территориальных границ СССР в результате оккупации. С учетом территориальных изменений окончание кризиса следует отнести на более поздний период - так, минимум сельскохозяйственного производства приходится, по нашим расчетам, на 1943 г., транспортных перевозок - на 1943-1944 гг. Промышленное производство достигло минимума (с учетом территориальных изменений) в 1946 г., в том числе производство предметов потребления находилось на минимальном уровне в 1943-1945 гг. Инвестиции в основной капитал достигли минимума в 1943 г. Наконец, минимальный объем национального продукта был зафиксирован в 1946 г.

В целом, на наш взгляд, начало данного кризиса следует датировать 1940 г., а окончание - 1946 г. Что касается выхода из кризиса, то по большинству параметров предкризисный уровень был достигнут уже в 1948-1949 гг., а в 1950 г. уровень 1939 г. был превышен по всем показателям.

В сферу нашего анализа мы не включаем относительно небольшие спады, наблюдавшиеся, в частности, в начале 1960-х и в начале 1980-х гг. В принципе, роль этих экономических спадов в истории страны была достаточно велика - спад 1963 г. привел к смене политического руководства страны и началу "брежневской эры"; спад 1982 г., по мнению некоторых экономистов, послужил "началом конца" советской экономики, итогом чего явился развал СССР. Но с точки зрения масштабов собственно экономических потрясений эти спады на порядок уступают предшествующим кризисам.

После окончания второй мировой войны первый по-настоящему крупный кризис возник лишь в конце 1980-х гг. Этот кризис начался, как водится в России, с сельского хозяйства - уже в 1987 г. начало сокращаться поголовье скота. В 1989 г. началось уменьшение грузовых и пассажирских перевозок, а с 1990 г. кризис охватил все сферы хозяйства. В целом первый этап кризиса можно датировать 1990-1991 гг.

Второй этап, который начался в 1992 г., был связан с так называемыми рыночными реформами. Пока нижней точкой кризиса, судя по официальной динамике ВВП и промышленного производства, является 1996 г., но фактически минимум еще не пройден (в частности, в 1997 г. продолжали сокращаться продукция животноводства, грузо- и пассажирооборот транспорта и валовые инвестиции в основной капитал). Что касается выхода на предкризисный уровень, то он явно не произойдет в ближайшее пятилетие, т.е. как минимум до 2003 г. Об этом говорят и прогнозные расчеты на 2000 г., сделанные Министерством экономики РФ в конце 1996 г., которые мы также приводим в наших таблицах в качестве ориентира.

5. Глубина кризисов

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов, необходимо еще раз обсудить степень надежности имеющихся показателей и возможные направления их смещения. До сих пор мы говорили в основном о "технических" смещениях (территориальные изменения, выбор базовых периодов при построении агрегатных показателей и т.д.). Теперь следует хотя бы коротко сказать и о возможных "идеологических" смещениях.

Общеизвестен тот факт, что официальная советская статистика начиная с конца 1920-х гг. в целом завышала темпы экономического роста⁶³. Но означает ли это, что она занижала масштабы падения в период кризисов? Ответ на этот вопрос не столь однозначен. Дело в том, что в официальной советской пропаганде экономические кризисы 1920-х и 1940-х гг. трактовались исключительно как результат "вражеских происков".

В случае с Великой Отечественной войной эта ситуация более или менее очевидна - оставляя в стороне тот факт, что именно СССР совместно с Германией начал вторую мировую войну в 1939 г., экономический кризис 1941-1946 гг. был действительно обусловлен войной с Германией. И хотя полные статистические данные о развитии экономики в годы Великой Отечественной войны, подготовленные в 1959 г., считались секретными и были опубликованы лишь в 1991 г., официальные источники вряд ли можно обвинить в стремлении преуменьшить экономические последствия войны для СССР. Об этом свидетельствует регулярная "утечка" в открытую печать (как в публикациях

⁶³ Во многих случаях этим грешили и западные оценки, в первую очередь делавшиеся ЦРУ в послевоенный период. Это ведомство стремилось преувеличить экономический потенциал СССР, чтобы повысить собственную значимость и оправдать получение дополнительных ассигнований для борьбы с "большим русским медведем".

самого ЦСУ, так и в некоторых других изданиях) данных о нанесенном СССР экономическом ущербе и другой информации из упоминавшегося "закрытого" статистического сборника, посвященного периоду войны.

Точно так же с точки зрения официальной идеологии не было оснований преуменьшать глубину кризиса первых послереволюционных лет, поскольку его "виновниками" считались гражданская война, развязанная "белыми", и иностранная интервенция. Вопрос о роли государственной политики большевиков в формировании данного кризиса не поднимался.

Иное дело кризис начала 1930-х гг. Этот кризис или пытались полностью скрыть с помощью статистических уловок, или сводили его к падению отдельных показателей, в частности, поголовья скота и производства мяса. Применительно к этому периоду влияние идеологических факторов на статистику проявлялось весьма сильно. В частности, данные о сокращении поголовья скота в начале 1930-х гг. стали публиковать уже в 1930-е гг., объясняя это сокращение происками кулаков, вырезавших весь скот назло Советской власти и остальному трудовому крестьянству. А наблюдавшееся в те же годы падение урожая зерновых, которое было невозможно списать на кулаков, тщательно скрывалось, вплоть до упоминавшегося выше перехода в начале 1930-х на измерение урожая в так называемом биологическом весе, который завышал показатели сбора зерновых на 20-30%. Еще тщательнее маскировались проявления кризиса в других секторах экономики (помимо сельского хозяйства), поэтому официальные оценки кризиса 1930-х гг., в отличие от 1920-х и 1940-х гг., требуют особо пристального внимания и корректировки.

Официальная статистика также пытается преуменьшить масштабы кризиса 1990-х гг. Описанная нами выше история с прямой фальсификацией темпов экономического роста в 1997 г. - лишь одно наиболее яркое проявление общей тенденции. Стремление правительства приукрасить текущую экономическую ситуацию, к сожалению, находит поддержку со стороны Запада, и прежде всего международных экономических организаций. Сделав ставку на "демократическое правительство" и поддержку "рыночных реформ", эти организации (МВФ, ВБ, ЕБРР и др.) должны оправдывать осуществляемую ими финансовую поддержку российского правительства в глазах своих крупнейших акционеров и демонстрировать эффективность своей кредитной политики.

В то же время официальные показатели, несмотря на все усилия, могут все же недоучитывать масштабы существующей в России теневой экономики, и в результате оказываться заниженными. Соотношение этих двух тенденций оценить достаточно сложно. Мы можем лишь предполагать, что официальные

данные Госкомстата РФ (учитывающие в той или иной мере теневую хозяйственную деятельность) в целом примерно соответствуют действительности - во всяком случае пока у нас нет оснований считать официальные показатели масштабов нынешнего кризиса преувеличенными.

В таблице 1 приведены диапазоны основных имеющихся оценок глубины кризисных сокращений рассматриваемых нами показателей. На основе этих данных в таблице 2 мы даем наиболее вероятные, на наш взгляд, масштабы кризисного сокращения реального сектора. В частности, мы попытались ограничить диапазон оценок в пределах 5 процентных пунктов, за исключением валовых инвестиций, где точность расчетов невелика и мы расширили вероятный диапазон сокращений до 10 процентных пунктов. Но прежде чем прокомментировать полученные результаты, остановимся кратко на тех соображениях, которыми мы руководствовались при определении "наиболее вероятных" результатов.

Оценка наиболее вероятных показателей падения в период кризиса 1905-1906 гг. достаточно очевидна. Количество данных здесь невелико, равно как и разброс между ними, поэтому мы, по существу, выбирали медианный диапазон из имеющихся расчетов. Исключение составляет показатель инвестиций - дело в том, что для этого периода мы располагаем только рассчитанными П. Грегори показателями чистых инвестиций в основной капитал. Наши же расчеты основаны на том, что сокращение валовых инвестиций (т.е. включающих амортизацию) обычно оказывается в 1,5—2 раза менее глубоким, чем падение чистых инвестиций.

Оценки кризисов 1916-1917 и 1918-1921 гг. не требуют особых комментариев - в большинстве случаев мы выбирали медианный интервал в качестве наиболее вероятного. Как и в случае с кризисом 1905-1906 гг., разброс результатов на этих периодах сравнительно невелик.

Сложнее обстоит дело с кризисом первой половины 1930-х гг. Как можно заметить, в качестве наиболее вероятных мы берем показатели глубины падения, соответствующие максимальным или даже несколько выходящие за границы имеющегося диапазона. Дело в том, что, по нашим расчетам, имеющиеся в различных изданиях (как советских, так и западных) оценки сокращения объема продукции растениеводства на этом периоде являются явно заниженными. Судя по данным о сборе отдельных культур, объем общей продукции растениеводства сократился в начале 1930-х гг. не менее чем на 20%. Исходя из этого, можно утверждать, что и падение общего объема сельскохозяйственной продукции было более значительным, чем это показывает большинство источников. Соответственно, более глубоким должно было быть сокращение производства предметов потребления, грузовых перевозок и, наконец, национального продукта.

Таблица 1. Имеющиеся оценки изменения показателей в периоды кризисов, %

Периоды кризисов, годы	Национальный продукт	Сельское хозяйство			Промышленность		Транспорт		Валовые инвестиции в основной капитал
		Всего	Растениеводство	Животноводство	Всего	Предметы потребления	Грузовой	Пассажирский	
1905-1906	-11...-17		19...-27	-5...-14	-3...-11		-5...-7	+4...-5	-36...-58*
1916-1917	-17...-28	-8...-12	19...-38	+5...-2	-17...-37	-33	-22...-31	-13	
1918-1921	-48...-49	-32...-41	-32...-44	-23...-33	-69...-85	-51	-72...-82	-45...-57	-75...-90
1932-1933	+11...-2	-18...-28	-1...-30	-45...-65	-7...+21	-16 + 15	0	-4...-19	-6...-15
1940-1946	-31...-34	-51...-63	-55...-66	-45...-58	-23...-43	-42...-59	-29...-55	-40...-62	-28...-68
1990-1991	-8...-19	-8	-7...-15	-7...-10	-8	-1...-5	-7...-14	-2...-17	-15
1992-1997	-38...-49	-35	-25	-42	-48...-54	-58	-46...-61	-18...-47	-70

* Чистые инвестиции.

Источник: см. Приложение.

Таблица 2. Наиболее вероятные оценки изменения показателей в периоды кризисов, %

Периоды кризисов, годы	Национальный продукт	Сельское хозяйство			Промышленность		Транспорт		Валовые инвестиции в основной капитал
		Всего	Растениеводство	Животноводство	Всего	Предметы потребления	Грузовой	Пассажирский	
1905-1906	-10...-15	-15...-20	-20...-25	-5...-10	-5...-10		-5...-10	0...-5	-20...-30
1916-1917	-20...-25	-10...-15	-20...-25	0...-5	-25...-30	-30...-35	-20...-25	-10...-15	
1918-1921	-45...-50	-30...-35	-35...-40	-25...-30	-70...-75	-50...-55	-75...-80	-50...-55	-75...-85
1932-1933	-5...-10	-30...-35	-20...-25	-50...-55	+10...+5	-5...-10	0...-5	-10...-15	-10...-20
1940-1946	-30...-35	-50...-55	-55...-60	-45...-50	-30...-35	-45...-50	-35...-40	-45...-50	-40...-50
1990-1991	-10...-15	-5...-10	-5...-10	-5...-10	-5...-10	-5...-10	-10...-15	-10...-15	-10...-20
1992-1997	-40...-45	-30...-35	-20...-25	-40...-45	-50...-55	-55...-60	-45...-50	-35...-40	-65...-75

Источник: см. Приложение.

Оценка падения валовых инвестиций в основной капитал также выведена нами за пределы встречающегося в экономической литературе диапазона. Дело в том, что, по официальным данным ЦСУ, сокращение валовых инвестиций государства и колхозов составило в 1933 г. 15 %. Поскольку нет оснований предполагать, что ЦСУ преувеличило масштабы этого падения, а сокращение инвестиций населения в начале 1930-х гг. должно было быть гораздо более интенсивным, суммарная величина валовых инвестиций в основной капитал должна была снизиться не менее чем на 15%.

Данные по кризису 1940-х гг. носят достаточно условный характер, поскольку сильно зависят от степени учета территориальных изменений в ходе войны. С одной стороны, показатели, вообще не учитывающие территориальных изменений, явно преувеличивают масштабы сокращения реального сектора. С другой стороны, наши расчеты, сделанные исходя из оценок численности населения, проживавшего на оккупированных территориях до войны, имеют явно завышенный характер, поскольку не учитывают эвакуацию (как людских, так и материальных ресурсов). Мы попытались хотя бы примерно учесть этот фактор (в частности, масштабы эвакуации в сельскохозяйственном секторе должны были быть ниже, чем в промышленном), но разброс оценок применительно к этому периоду явно выходит за очерченные нами границы.

Наконец, для кризисов 1990-1991 и 1992-1996 гг. мы в основном выбирали- медианные оценки из имеющихся официальных показателей Госкомстата и незначительно отличающихся от них расчетов международных организаций.

В некоторых случаях (как, например, для кризиса начала 1930-х гг.) наиболее вероятные показатели глубины кризисного сокращения в каждом из рассматриваемых нами секторов экономики (сельское хозяйство, промышленность, транспорт и инвестиции/строительство) оказываются больше, чем глубина падения национального продукта. Это объясняется различиями в периодах сокращения, которые не всегда оказывались абсолютно синхронными (например, в те же 1930-е гг. кризис на транспорте развернулся в основном после завершения кризиса в промышленности).

Итак, судя по имеющимся данным, наибольшее сокращение национального продукта наблюдалось в 1918 -1921 гг., когда национальный продукт уменьшился почти вдвое. Второе место по этому показателю занимает кризис 1992-1996 гг., и лишь третьим оказывается кризис 1940-1946 гг., когда национальный продукт уменьшился примерно на одну треть.

Наибольшее падение сельскохозяйственного производства, бесспорно, наблюдалось в годы второй мировой войны, когда оно сократилось более чем наполовину. Второе-четвертое место по этому показателю делят кризисы 1918-1921, 1932-1933 и 1992-1996 гг., в каждом из которых объем сельскохозяйственного производства сокращался примерно на одну треть. При этом по масштабам сокращения продукции растениеводства также лидирует кризис 1940-1946 гг., а вслед за ним идет кризис 1918-1921 гг. Продукция животноводства максимально сократилась в ходе кризиса начала 1930-х гг. (более чем наполовину), в годы второй мировой войны (почти на 50%) и, наконец, в ходе кризиса 1992-1996 гг. (более чем на две пятых).

По глубине падения общего объема промышленного производства бесспорным лидером является кризис 1918-1921 гг., в ходе которого объем промышленной продукции уменьшился примерно на три четверти. На втором месте здесь стоит кризис 1992-1996 гг., в ходе которого общий объем промышленной продукции уменьшился более чем вдвое, и лишь на третьем месте - кризис 1940-1946 гг. Максимальное сокращение производства предметов потребления произошло, видимо, во время кризиса 1992-1996 гг., на втором месте по этому показателю идет кризис 1918-1921 гг. и затем - кризис периода второй мировой войны.

Объем грузовых перевозок максимально сократился в 1918 -1921 гг. (не менее чем на три четверти). На втором месте здесь следует кризис 1992—1996 гг., в ходе которого грузовые перевозки уменьшились наполовину⁶⁴. Наконец, на третьем месте идет кризис начала 1940-х гг., когда грузооборот (с учетом территориальных изменений) сократился примерно на две пятых. Перевозки пассажиров в наибольшей степени сократились в 1918-1921 гг. (более чем наполовину), но на втором месте по этому показателю идет кризис 1940-1946 гг. и лишь на третьем - кризис 1992-1996 гг., в ходе которого пассажирские перевозки уменьшились примерно на две пятых.

Наконец, максимальное сокращение валовых инвестиций в основной капитал также наблюдалось в 1918-1921 гг., когда капиталовложения уменьшились более чем на четыре пятых (а по некоторым данным - на девять десятых). Второе место здесь, бесспорно, занимает кризис 1992-1996 гг., в ходе которого инвестиции сократились почти на три четверти, и лишь на третьем месте идет кризис 1940-1946 гг.

⁶⁴ Здесь следует отметить, что, по официальным данным Госкомстата, грузооборот в ходе текущего кризиса уменьшился в несколько меньшей степени (примерно на 40 - 45%), но эти данные включают транспортировку газа по газопроводам, которая испытала весьма небольшое снижение в 1990-е гг. Поскольку до 1990 г. ЦСУ не учитывал транспортировку газа в общем объеме грузооборота, мы используем показатели, сопоставимые с данными за предшествующие периоды.

В целом можно констатировать, что наиболее глубокими кризисные процессы были в 1918-1921 гг.; второе место по глубине падения занимает кризис 1992-1996 гг. и лишь третье - кризис 1940-1946 гг. Во избежание недоразумений сразу следует оговориться, что в данном случае речь не идет об уровне жизни населения и абсолютной величине подушевого потребления, равно как и о степени хозяйственной разрухи, наблюдаемой в нижней точке кризиса. Мы оцениваем лишь масштабы или интенсивность сокращения реального сектора относительно предкризисного максимума хозяйственной активности.

Если же говорить об уровне жизни населения, то, конечно, нынешний кризис несравним с периодами первой мировой, гражданской или второй мировой войн. В предшествующих кризисах сопоставимое в процентном отношении падение производства шло от гораздо более низкого (по абсолютной величине) предкризисного уровня. Не следует забывать и об импорте, который в ходе нынешнего кризиса, в отличие от предшествующих случаев, в существенной мере восполняет, а отчасти даже способствует сокращению производства сельскохозяйственной продукции и промышленных потребительских товаров. Наконец, что особенно важно, несмотря на чеченскую войну и разгул преступности, нынешний кризис, слава Богу, несопоставим с катаклизмами первой половины века по масштабам людских потерь и человеческих страданий.

Если говорить о неких общих характеристиках столь разных кризисов, пережитых Россией в XX в., то речь, видимо, должна идти о кризисах государственной политики - внутренней и внешней, экономической и социальной, военной и финансовой, и т.д. и т.п. Пожалуй, деятельность правительства можно поставить в один ряд с такими традиционными российскими напастями, как дураки и дороги.

Впрочем, традиция эта достаточно давняя, что отметил в свое время известный французский специалист по истории России А. Безансон: "Московское государство представляет собой смесь татарских и византийских элементов, которые не благоприятствуют развитию капитализма. Более того, государство находит способы еще больше усугубить ситуацию. Великие князья московские в течение длительного времени были чем-то вроде наместников татарских ханов", и в проводимой ими политике «реализовывались законные права татарских завоевателей. Но когда Великие князья приобрели независимость, то вместо того, чтобы начать править в интересах собственного народа, они предпочитали продолжать

рассматривать себя в качестве его завоевателей. Недаром Иван III на вопрос Флетчера* о статусе его подданных ответил: "Все они холопы!"⁶⁵.

В этой связи не должен вызывать удивления тот факт, что выделяемые нами экономические кризисы неизменно сопровождались социальными и политическими потрясениями - международными войнами, революциями, гражданскими войнами и репрессиями. Русско-японская и две мировые войны, революции 1905 г., Февральская и Октябрьская 1917 г., Августовская 1991 г.⁶⁶, гражданская война 1918-1921 гг., коллективизация и раскулачивание в 1930-х гг., чеченская война 1994-1996(7) гг. - эти и другие социальные и политические катастрофы и катаклизмы, пережитые Россией в XX в., были обусловлены прежде всего деятельностью правительства.

В рассматриваемом нами случае кризисы экономические, с одной стороны, и социальные и политические - с другой, не находятся между собой в отношении причинно-следственной связи. На наш взгляд, тезис о том, что российские экономические кризисы вызывались войнами и революциями, столь же неправилен, как и обратное утверждение — о том, что экономические кризисы обуславливали наступление кризисов социальных и внешнеполитических. Все кризисные процессы, по существу, были однопорядковыми проявлениями кризисов государственной политики, независимо от того, к чему конкретно эта политика сводилась - к военным авантюрам, социальному геноциду или экономическим экспериментам.

Во второй части нашей работы, которая предполагается к публикации в следующем выпуске альманаха "Истоки", будет рассмотрена история кризисных процессов в денежно-кредитной и финансовой сфере (цены, денежная масса, государственный бюджет), а также в области внешней торговли.

* Джайлс Флетчер (ок. 1549-1611) - английский посол в России в 1588-1589 гг., автор известной работы "О государстве Русском" (1591, русск. изд. Спб., 1905) (Прим. авт.).

⁶⁵ Besancon A. The Russian Case // Europe and the Rise of Capitalism / J.Baechier et al. (eds.). Oxford: Blackwell, 1988. P. 160-161.

⁶⁶ Кстати, пора уже начать называть вещи своими именами: какие бы неприятные коннотации не вызывало у нас слово "революция", но события августа 1991 г. заслуживают этого наименования уж никак не меньше, чем те, что происходили в России в январе 1905 г. или в феврале 1917 г.